

Весы качнулись. Молвить не греша,
ты спятила от жадности, Параша.
Такое что-то на душу, спеша
разбогатеть, взяла из ералаша,
что тотчас поплыла моя душа
наверх, как незагруженная чаша.

Отшельник без вещей и с багажом
пушинка и по форме и по смыслу,
коль двое на постель да нагишом
взойдут, скроив физиономью кислу;
и, хоть живешь ты выше этажом,
неможно не задраться коромыслу.

Параша, равновесию вредит
не только ненормальный аппетит,
но самое стремленья к равновесью,
что видно и в стараниях блудниц,
в запорах, и в стирании границ
намеренном меж городом и весью.

Параша, ты отныне далека.
Возносит тяготение к прелюбам.
И так как мне мешают облака,
рукой дындып сложимши перед клювом,
не покажу вам с другом кулака
и ангелов своих не покажу вам.

Прощай, Параша! Выключив часы
здесь наверху, как истинный сиделец
я забываю все твои красы,
которым я отныне не владелец,
и зрю вблизи полнощные Весы,
под коими родился наш младенец.

1968